

Анджей де Лазари

ПОЛЬСКАЯ ПУТАНИЦА С «РУССКИМ» И «РОССИЙСКИМ»

...и русская путаница с тем же самым

Анджей де Лазари в своей статье, напечатанной по-польски в варшавском еженедельнике «Политика» (2002, №40), начинает с постановки вопросов, которые издавна мучат не только переводчиков с русского на польский, но и переводчиков с польского на русский. Каждый раз, когда мне попадает в польском тексте слово «rosyjski», я должна хорошенько поднапрячься, чтобы интуитивно понять: что здесь имеется в виду — «российский» или «русский»? Современный польский язык, как, впрочем, и все известные мне западные языки, разницы тут не делает, в нем только одно прилагательное. Предлагаемое (боюсь, иронически) Анджеем де Лазари прилагательное «ruski» в польском языке обычно относится к языку Великого княжества Литовского, старобелорусскому (ближе к древнерусскому, чем к современному русскому или белорусскому). А уж «rusek» — это почти «кацап».

Таким образом, перед поляками встают довольно трудные проблемы, но, как показывает в статье Анджеем де Лазари, перед нами — тоже. Мы и сами, оказывается, не всегда можем разобраться, что «российское», а что «русское».

В заключение объясню еще один мимолетно затронутый автором момент, тоже хорошо известный переводчикам (без этого объяснения кое-что в статье останется русскому читателю непонятным): понятия «narodowy» и «ludowy» не полностью совпадают с русскими «национальный» и «народный» (да еще вдобавок с распространившимся по западному образцу слову «национальный» в названиях хотя бы оркестров вместо «государственный», о чем тоже упоминает автор). «Ludowy» — это скорее «простонародный», в названиях партий без обиняков «крестьянский». «Narodowy» — «национальный» в широком смысле (на русский может переводиться и как «народный» в том же широком смысле), но с тех пор, как это прилагательное больше века назад стало появляться в названиях откровенно националистических польских партий, само оно приобрело несколько экстремистский оттенок.

Н. Горбаневская

Мы более или менее успешно отличали советское от русского, теперь у нас трудности с правильным употреблением определений «русский» и «российский» на польском языке. Впрочем, трудности возникли и у самих россиян.

Некогда существовало себе советское государство, а в нем среди прочих жили русские — с русской культурой, языком и т. п. (не было у них разве что собственной русской компартии). Были советские конституции и институты, был даже советский народ и советский человек. Правда, появлялись непередаваемые на другой язык обороты типа «многонациональное общенародное государство советского народа», были у нас сложности с переводом почетного звания «народный артист Советского Союза» («narodowy» пахнул нацизмом/коммунизмом, «ludowy» — фольклором; Шостакович — «ludowy артист» звучало абсурдно), однако различение советского и русского не доставляло серьезных языковых неприятностей. Теперь мы растерялись и не в состоянии найти польские эквиваленты, которые различали бы понятия «русский» и «российский».

На первый взгляд, все как будто просто: Россия — многонациональное государство, и слово «российский» определяет эту многонациональную государственность (россиянин — это любой гражданин Российской Федерации, независимо от своей национальности). Слово же «русский» определяет принадлежность к культуре собственно русской. Русский вместе с чукчей, евреем и поляком, если они граждане Российской Федерации, суть россияне. Государство — российское, язык, разумеется, — русский.

Наверняка мы бы справились с этой сложностью и на польском языке, возродив для современности и подняв в их стилистическом статусе слова «Русь», «ruski», а может быть, и «rusek». Государство по-польски было бы «rosyjskie», язык «ruski» (украинский и белорусский по соображениям политкорректности не были бы «ruskimi» языками), пельменям и вареникам (которые по-польски называются «pierogi ruskie». — *Ред.*) имя можно было бы не менять. Так было бы можно — если бы россияне (то есть — граждане Российской Федерации) сами справились с нареканьем имен.

Размытая русскость

Церковь — русская, однако епископы — российские; общество — российское; российские также католики и инженеры, но мафия и эмиграция — русская; российские — Академия искусств, Фонд культуры, энциклопедия. Даже основанная в Китае 18 июня 1700 г. православная миссия оказывается россий-

ской, хотя Александр Солженицын, выступая в защиту русскости против размытой российскости, пишет, что русско-российская проблема возникла еще в 1909 г. среди либеральной интеллигенции, теряющей русскую самобытность во имя российской многонациональности («Россия в обвале»).

Однако поистине неразрешимая сложность возникает тогда, когда русские-россияне начинают говорить о народе. Так, Александр Зиновьев (автор известного «Гомо советикуса») в одном из интервью сказал, что народы, как и люди, рождаются, созревают, деградируют и умирают, что это аксиома и что «российский народ» находится ныне в стадии деградации, близкой к смерти. У логика Зиновьева мышление несомненно точное, однако он не уточняет, когда же возник российский народ. До сих пор мы много знали о народе русском и кое-что о советском. Российский народ фактически возник на месте народа советского. Значит, он находится в весьма юном возрасте — и уже успел выродиться? Это невозможно: ведь только в 1990 г. создан первый симфонический Российский национальный оркестр. Он пользуется небывалым успехом в мире и даже не думает умирать. Другое дело — в каком смысле он национальный, если российский, а не русский? Государственный, национализированный? Конечно, да. Но с другой стороны, многие университеты — российские и государственные: значит, «российский» и «государственный» — не одно и то же.

Еще более запутанным примером может быть заголовок на страницах «Полит.ру»: «Российский народ — не дикое племя: Советские художники спасают Святую Русь от католиков». Заголовок издательский: редакция посмеялась над группой художников, которые выступили с протестом против «вторжения католицизма» в Россию. Довод протестующих: если «российский народ — не дикое племя», то уже само присутствие католиков в России унижает ее культуру. Выше я легкомысленно написал, что россиянином является любой гражданин России, а тут оказывается, что любой — но при условии, что он православный. Ибо что же это за народ, если он не объединяется религией?

Граждане с разных сторон

Что же такое российский народ?

Конституция Российской Федерации начинается словами: «Мы — многонациональный народ Российской Федерации»; по-английски: «We, the multinational people of the Russian Federation»; по-немецки: «Wir, das multinationale Volk der Russischen Fдederation»; по-французски: «Nous, peuple multinational de la Fйdйration de Russie». А как же сказать это по-польски? «My — wielonarodowy lud/naród»?

В конституции Польской Республики дело выглядит прозрачнее: «Мы, польский народ, — все граждане Речи Посполитой». То же самое подразумевается в конституции многонациональных Соединенных Штатов Америки: «We the People of the United States»; в индийской конституции: «We, the People of India»; в японской: «We, the Japanese people» и т.д. Зачем россиянам «многонациональный народ»? Народ — важная категория для россиян категория: чтобы государство не разлетелось, в нем должен существовать единый народ — российский. Я это понимаю, но перевести на польский не умею.

Вернемся, однако, к музыке. Кроме Российского национального оркестра (напомню, что он симфонический), в России играют среди прочих русские народные оркестры: Русский государственный концертный народный оркестр «Виртуозы Кубани» и мой любимый Национальный академический оркестр народных инструментов России им. Н.П.Осипова. Еще недавно этот оркестр именовался «Государственный академический русский народный оркестр». В «Стране Советов» создавалось единое государство = единый народ, что отразилось, среди прочего, в единстве государственности, академичности, русскости и народности. После распада СССР кто-то заметил неловкость в названии известнейшего балалаечно-домрового оркестра и название изменил — на не менее странное (на Западе оркестр этот выступает просто как Osipov Orchestra, чтобы кто-нибудь не увяз во всех этих прилагательных).

Надменные великороссы

Гораздо удачнее сменил название Алтайский государственный оркестр русских народных инструментов «Сибирь» — на «Алтайский государственный великорусский оркестр». И так держать! Василий Андреев, создавая в конце XIX века первый балалаечно-домровый оркестр, назвал его Великорусским оркестром — и в голову ему не пришла какая бы то ни было «народность»: он думал только о русскости, точнее — великорусскости (есть ведь еще малороссийскость и белорусскость).

Чтобы исчерпать музыкальную тему, напомню, что в Курске с 1989 г. играет Христианский оркестр русских народных инструментов «Гармония», — не могу, однако, сказать, в чем состоит его христианскость (может быть, туда не берут атеистов, а вместе с православными играют там католики и протестанты, ибо в названии содержится экumenическая аллюзия?).

Как же нам, полякам, справиться в политике и в жизни с понятиями «русский» и «российский»? Оставляю ответить польским языковедам, поскольку сам я играю только на балалайке¹.

¹ Это не шутка, автор — член «Balalaika and Domra Association of America» (прим. ред. «Политики»).